DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-129-133

К ВОПРОСУ СОСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ К ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Е.С. Федорова

Мы рассматриваем новую рукопись, которая содержит документальный исторический материал. Текст писался около столетия назад. Автор княгиня Вера Лобанова-Ростовская принадлежит традиционной российской культуре, к высшему слою аристократии, образование получила в 80-е гг. XIX в. Отдельно следует отметить религиозность автора, описание религиозных реалий (Оптина пустынь, Троице-Сергиева лавра и пр.) и, следовательно, христианизированный язык повествования. Анализ лексики текста показывает: без специального предварительного филологического комментария невозможно корректное историческое исследование.

Ключевые слова: окказиональное значение, лексическая единица, историко-документальный текст, комментарий.

ON COMPILING A LEXICAL COMMENTARY ON HISTORICAL SOURCES

E.S. Fedorova

We are considering a new manuscript that contains documentary historical material. The text was written about a century ago. Its author, Princess Vera Lobanova-Rostovskaya, belongs to the traditional Russian culture, to the highest layer of the aristocracy that was educated in the 1880-s. The author is characterized by religiosity as she describes religious realities (Optina pustyn, Trinity-Sergius Lavra, etc.) and, consequently, her description is the Christianized language of narration. The analysis of the vocabulary of the text shows that without a special preliminary philological commentary it is impossible to make a correct historical study.

Key words: occasional meaning, lexical unit, historical documentary text, comment.

Публикатор романа княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской «О российской трагедии XX века до и после 1917 года. Воспоминания матери», (Москва: Минувшее, 2020), внук автора, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский предпослал изданию следующие слова, лаконично выразив сущность произведения: роман «написан в русле "толстовской традиции", хорошим классическим русским языком, предлагая хронику одного семейства и обширную историческую панораму, касаясь политики и быта разных сословий. Роман пропитан глубокой религиозностью автора, вера движет всеми ее поступками» [3, Т. I: с. 5].

В ответ на реплику выскажем некоторые наблюдения над языком произведения.

Документальность изложения событий отражается в языке романа

Роман охватывает период пятнадцати лет перед Октябрьским переворотом до вынужденного бегства семьи от большевиков на исходе 1921 г. То есть описываемые события заканчиваются столетие назад. Текст создавался сразу вслед за событиями – в течение 12 лет.

Это монументальное полотно – роман-эпопея. Однако автор строго основывается на своих днев-

никовых записях. Можно утвердительно говорить о строгой, детальной верности факту. Таким образом, это документальный роман, что, конечно, дает колоссальный материал для историка.

Важно отметить, что принцип хроникальности всецело отражается в языке. Характерная особенность текста княгини Лобановой-Ростовской – внимание к фонетическому и семантическому облику слова, и к синтаксису народной речи, речи разных сословий, которым она не принадлежала, областным говорам – на фоне авторской речи, четко нормализованной и правильной – разумеется, в соответствии с нормами её времени.

Без предварительного филологического комментария невозможна корректная работа историка

Роман написан человеком, родившимся в 1870 г., сформированным в недрах традиционной российской культуры. Казалось бы, для истории языка – небольшой срок.

Но при более пристальном взгляде на текст оказывается: без предварительного комментария филологов, без поисков подлинных эквивалентов значений слов, как заимствованных, так и принадлежащих русскому литературному языку, для историков могут оказаться непонятыми или превратно

Федорова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Fedorova Ekaterina Sergeevna – Doctor (Culture Studies), Habil.; Doctor (Philology), Professor, Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ledentu@mail.ru

© Федорова Е.С., 2021

понятыми смыслы сказанного, а поэтому – суть взаимоотношений персонажей и даже реалии ситуаций и событий.

Мы обнаруживаем, что в первой четверти XX в. множество на первый взгляд понятных слов живут в своих окказиональных значениях. Неточное их толкование может привести к историческим искажениям. В нашем издании мы стремились дать такие пояснения к лексике романа, чтобы историки не попали в «лингвистические» ловушки. Приведем некоторые примеры.

Окказиональные значения литературных слов в народной речи

Так, ухо автора улавливает и передает особые значения общеупотребительных литературных слов, без понимания их невозможно оценить реальные взаимоотношения персонажей, понять суть происходящего. Перед нами диалог: горничная говорит буфетчику: «*скоромник ты и художник*». А наблюдающая за сценой хозяйка видит в этих словах серьезный конфликт людей. Почему? Горничная осуждает пустого человека. Ибо слово «скоромник» употреблено в переносном значении: не тот, кто ест скоромное (т.е. не постное, нарушает пост), а нахальный, нарушающий приличия человек. Слово «художник» здесь тоже употреблено в неодобрительном смысле. Называется не профессия, а дается оценка: «художник» здесь эпитет, т.е. «позволяющий себе художества» (*простореч.*) – озорные или дурные выходки. Здесь слово употреблено как синоним слову «артист» в том значении, в котором оно нередко употребляется в современной разговорной речи, например, в выражении: «ну, ты артист!» (близкое здесь к значению слова «авантюрист»).

Займствования

Обратим внимание на иностранные слова, которые представляют займствования, еще не усвоенные повсеместно, но имеющие хождение в среде аристократов и переданные в романе то кириллицей, то латиницей – в зависимости от того, насколько «плотно» данное слово уже вошло в узус данной среды, насколько привычно глазу. Это прежде всего англицизмы, присущие высшему слою аристократии (мы знаем подобные из текстов, посвященных детству Набокова), но также и галлицизмы, свойственные речи дворянства на протяжении длительного периода со второй половины XVIII в. вплоть до октябрьского переворота. (Разумеется, они остались в речи носителей этого языка и в эмиграции). И некоторые немецкие заимствования, специфически свойственные южным губерниям Российской империи. Наличие последних свидетельствуют о корнях автора – чертах лексического портрета её матери.

К особым значениям **англицизмов** в тексте не следует подходить с позиций сегодняшнего дня.

Так, слово *tube* многожды появляется в тексте, мы привыкли понимать его и как «трубу», «шину», или переосмыслять как наименование английского метро. Но если мы возьмем современный англо-русский словарь [5], среди 19 значений не будет представлено того, что именуется этим словом в тексте, а именно: *резиновая ванна для купания маленьких детей*.

Или: «каждый из супругов нес с собой *pliant*». В английском это прилагательное: «гибкий, податливый, уступчивый, мягкий». В языке Серебряного века, в данной среде, это *складной стул*.

Кириллицей написан англицизм *бифти*: «лечите больную, давайте бифти». Это *beaf-tea*, буквально «чай из говядины», бульон из костей. Теперь в английском не употребительно.

Так же кириллицей и как склоняемое единое слово передано словосочетание *cabin box* – *кабин-боксы* – здесь в значении «ручная кладь».

Важной положительной характеристикой для загадочного персонажа, втайне помогающего княгине, становится **галлицизм**: «для юного поколения барон был воплощением *vieux jeu*» – ныне устаревшее во французском языке выражение, которое значит «старомодный», а здесь, как счел необходимым комментировать сам автор: *старосветский* человек, т.е. человек старого воспитания, близкого и понятного княгине. Заметим, что «старомодный» несет негативный оттенок, здесь же употребляется в сугубо положительном смысле. Кстати заметим, барон «появляется в нашем городе в начале *Великой войны*» – без пояснения также непонятно. А так именовали Первую мировую, таким образом, можем поставить дату появления важного персонажа – 1914 г.

Многие галлицизмы написаны кириллицей, это, конечно, займствования более раннего происхождения, и в данной среде прочно вошли в узус. Например, *флёрделис*, написанное в одно слово. Флёр-делис (фр. *fleur de lys*) – это «цветок лилии», гербовая фигура, служившая знаком отличия правящих монархов из рода Бурбонов. «Мать вся была окружена старинными вещами... У неё в шкапу можно было увидеть и французские книги из Королевской библиотеки, в характерных переплётках из натуральной кожи с *флёрделис* на первых двух внутренних сторонах начала и конца книги» [3, Т. I: с. 85]. То есть мы должны понимать, что в семье Лобановых-Ростовских хранилась книга с подлинной печатью Людвига XVI.

Кириллицей написано и слово *этаблисмент*: князь «просто болел душой, думая о хозяйском *этаблисменте* в зале» [3, Т. I: с. 316]. И это не опечатка слова «истеблишмент». А устарелое во фран-

цузском языке значение слова *établissement* «уютный уголок, составляющий ансамбль из нескольких предметов мебели».

Как склоняемое слово кириллицей дано слово *франзоля* в значении «французская булка»: «Купили две франзоли и тут же на улице стали их есть» [3, Т. I: с. 605]. Употребление выявляет южно-русскую языковую основу. В Одессе греческие калачники выпекали франзоли (от новогреч. «белый хлеб цилиндрической или круглой формы», что, в свою очередь, является заимствованием, означающим «французский»)*.

Германизмы представлены в бытовых примерах: «дайте ему *эмс* с молоком». Слово *эмс* написано с маленькой буквы кириллицей – это название минеральной воды по названию курорта в г. Эмс Германии, где бывали многие русские, например Достоевский.

Или русскими буквами написанное *кюммель-кухен* «булочка с тмином» – слово, имевшее хождение в южно-русских областях, отмечаемое и академическим российско-украинским словарем [6]. Употребление слова кириллицей свидетельствует о детстве автора, проведенном в имении родителей в Екатеринославской губернии (тогда одной из южных губерний России, ныне Украина).

Фонетические искажения в заимствованиях

Слуги, привыкшие к речи хозяев, тоже перенимают заимствования – в искаженном виде. Кириллицей и как склоняемое слово передается выражение: «Пожалуйста *нашу туфату* посмотреть, первый сорт вышла» [3, Т. I: с. 561]. Оказывается, это не опечатка слова «туфта», а метафора кушанья, которое он приготовил из всех скудных продуктов, которые оказались под рукой. Слово – от фр. выражения *touffe à toi* (*touffe* – пучок, куст), т.е. собрать «пучком» все имеющееся; сборная солянка.

Или торговец в Одессе употребляет искаженное заимствование из английского. «Теперь тряпки не идут. У них своей *харлы-марлы* некуда девать» [3, Т. II: с. 299]. Это англ. *hurly-burly* – сумятица, суматоха, переполох. В портовой Одессе, где смешивались разные наречия, вполне могло быть в ходу выражение, услышанное от английских моряков.

Еще пример из народной речи: *фальцетное зеркало* (сближение с *фальцетом*, «высоким голосом, неправомерно»), а на самом деле – парадные зеркала, ограненные *фацетом* – скошенной плоскостью (*facette* – заимствование, через немецкий, из французского «грань»).

Историзмы

Невозможно осознать взаимоотношения в романе без понимания историзмов, т.е. слов, обозначающих объекты и понятия, которых ныне нет.

«...у Мата была горничная Аннушка, степенная, умная, внушительная видом, немолодая девушка, напоминающая *начётчицу*» [3, Т. I: с. 87]. (Начетчик – в старообрядчестве: человек, начитанный в богословских книгах.) Употребленное слово, исходя из религиозного мирозерцания автора, следует воспринимать как положительную характеристику.

Или выражение «*пойти в монополю*» – это казенная лавка, продающая спиртное, ибо с 1912 г. по предложению графа Витте монополия на торговлю водкой была у государства.

Или: «Отец ее рано умер, она воспитывалась в Николаевском сиротском институте и оставлена *пепиньеркой* за отличие» [3, Т. I: с. 105]. Что это за судьба такая? Оказывается, это должность «классной дамы» (наблюдательницы за поведением учениц) и кандидатки в учителя Института благородных девиц.

Или: «Есть ли у Вас *колокольчики*?» [3, Т. II: с. 297] А это бумажные деньги, выпущенные Деникиным в 1919 г. и имевшие изображение Царь-колокола.

Или: «окончила с *шифром* Смольный монастырь» [3, Т. II: с. 358], что здесь означает слово *шифр*? Была отличницей в Смольном институте благородных девиц (который располагался на территории бывшего монастыря), и за это полагался шифр – золотой вензель в виде инициала Екатерины Второй, который носили на белом банте с золотыми полосками. Награда давала возможность стать фрейлиной при дворе.

Или: субстантиват (здесь) *людская*. «Я пошла к крыльцу *людских*. Оно выходило на *полускат*» [3, Т. I: с. 98]. *Людские* – помещения, где жили слуги. *Полускат* – архаизм, здесь – «небольшая возвышенность, горка, спускающаяся вниз». Об архаизмах в документальном романе – ниже.

Ну и, конечно, нуждаются в комментариях наименования устаревших предметов одежды, обуви, мебели, транспорта, ушедших в небытие профессий: *башлык*, *зипун*, *поддевка*, *тарантас*, *подвода*, *розвальни*, *прасол*, *чумак* и пр. Без их толкования иной раз непонятны оттенки отношения автора. А это важно для понимания идей повествования, например: «улицы нашего города стали наполняться волынскими беженцами, белые суконные *зипуны* которых так отличались от темных *поддевок* наших крестьян. Это было очень показательно, и сердце забило тревогу» [3, Т. II: с. 496] Или: «Важно расхаживали увесистых размеров *чумаки*, смотря на все равнодушными и сытыми глазами» [3, Т. II: с. 311]. Это слово южно-русских

* Этимологические словари дают разные версии стран заимствования. Например, Толковый словарь Бабинотиса дает происхождение *франтцёла* от турецкого *francala* – рулон [1]. Другие обычно предполагают происхождение от итальянского *franciola*.

губерний означает «занимавшиеся торгово-перевозным промыслом»: в эпоху всеобщего голода люди этой профессии оказывались в более выгодном положении и внешне разительно отличались от стремительно нищавшего населения. Или, например: «пирожки наподобие *филипповских*» [3, Т. I: с. 125], которые подавали в монастыре, – означают высшее качество, ибо в булочных Филиппова продавалась образцовая выпечка.

Архаизмы

Архаизмы обозначали явления, которые и сейчас присутствуют в нашей жизни, но именуются другими словами. Например, среди семантических архаизмов слово *наверное* означало не «сомнение» – «может быть», а противоположенное значение – «наверняка, точно». «Это земное в нас плачет, а сколько во всем этом *наверное* было небесной красоты умиления и чудес» [3, Т. I: с. 234]. Согласитесь, важно отличить, что это утверждение, а не сомнение. Или «Где нам с вами сомневаться да печалиться! Князя вы *наверное* вскоре же дождетесь» [3, Т. II: с. 626].

Или: «*нарочито* построенный временный деревянный театр» [3, Т. I: с. 157]. Или: «*Нарочито* так не делать, как Ангел Хранитель устроил!» [3, Т. I: с. 186]. *Нарочито* означает «для данного случая, специально». Слово нейтрально. Сейчас наречие «нарочито» означает: «умышленно, преднамеренно, нарочно» и окрашено отношением к происходящему.

Или: «*кандальшик из душегубов*» [3, Т. I: с. 152] – закованный в кандалы преступник за то, что совершил убийство.

Или: «*дамская комната*» на вокзале означает вовсе не то, что мы подумаем, а «зал ожидания для женщин» [3, Т. I: с. 187].

Или вот такое редкое значение слова *хибарка* в специфическом употреблении в церковном обиходе: в Оптиной пустыни название домиков, где старцы принимали посетителей, в том числе и женщин, которым не позволялось входить в ограду мужского монастыря: «В Оптиной пустыни есть скит, в котором живут: в правой хибарке от святых ворот старец отец Иосиф, а в левой – старец отец Варсонофий» [3, Т. I: с. 196].

Или: «она жила в одном из флигелей имени на пенсии и была "*бабушкой*" почти всего села» [3, Т. I: с. 331]. Оказывается, здесь это не «старейшина» или «родственница всего села», а «повитуха», т.е. акушерка, помогающая при родах.

Или «они ходили как тени, с *испытymi* лицами землистого цвета» [3, Т. II: с. 269]; «за решётками полуподвального этажа, виднелось какое-то серое месиво из *испытых*, но живых ещё теней, потерявших и вид, и образ человеческий от холода, голода и грязи» [3, Т. II: с. 243]. Мы это слово употребля-

ем в значение «лицо сильно пьющего человека» – тогда «изнуренный, истощенный».

Или: «ночлег на *сеннике*» [3, Т. I: с. 370] – вовсе не в сарае, а на матрасе, набитым сеном.

Пример **грамматического архаизма**: множественное число местоимения по отношению к одному человеку в знак почтения. Здесь – женского рода. Речь идет о дочери автора, княжне Ольге: «...*оне* в хорошей гостинице устроились и нашли добрых людей, которые им помогают» [3, Т. II: с. 338].

Словообразовательный архаизм: Мелкая рыба *горчлива* [3, Т. II: с. 394]. Аффикс прилагательного *горчливый* (ср. с *ворчливый*) стилистически выделяет устаревшее слово, в современном языке то же самое понятие передается с помощью глагола: рыба горчит.

Фонетический архаизм: *монструозный* в значении ужасный: «Ничего *монструозного* не произошло» [3, Т. II: с. 351]. Автору, знающему французский с детства, ближе произношение с гласной [y] (как, например, в слове «бюро»), т.е. здесь наблюдается прямое фонетическое воспроизведение французского прилагательного *monstrueux* [mɔ̃struø] с русифицированным окончанием. Хотя данное прилагательное действительно заимствовано в русский язык через посредство французского, современному русскому присуще произношение, которое ближе к латинскому исходному прилагательному *monstruosus* [monstruosus], где произносится гласная [u], – от *monstrum* [monstrum].

Церковнославянизмы – органичное проявление «христианизированного языка»

Итак, «роман пропитан глубокой религиозностью автора, вера движет всеми ее поступками» [3, Т. I: с. 5]. Церковнославянизмы органично живут в языке Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской. Без понимания их значений, как и без понимания того, как естественно живут в языковом сознании автора *христианизированные тексты*, *христианизированная история* отечества, невозможно оценить как крупные идеи произведения, так и детальные смыслы повествования. Продолжая идею В.Н. Топорова о «христианизированной» жизни и истории Руси, Н.Н. Запольская указывает, что «христианизация» любого «созданного» книжного текста проявлялась в том, что его семантическая структура обязательно включала два уровня: буквальный смысл и небуквальный – духовный смысл [2: с. 32].

Глубокое подспудное знание автором житийных текстов и текстов Священного Писания на церковно-славянском бросают свой глубокий отсвет на семантическое поле лексики, избираемой Лобановой. Так, невозможно понять смысл названия целой части книги «*Самочиние* и расплата». *Самочиние* – «действие по собственному разумению, хотению и

по собственной воле», а не в соответствии с путями христианина. Здесь – у слова отрицательная, уходящая в христианскую традицию, коннотация.

Также название книги шестой романа – «*Послушание* выше молитвы» – невозможно понять без понимания идеи христианской этики: в данном случае это исполнение труда, посланного высшими силами конкретному человеку в конкретных обстоятельствах, труда самого земного, каждодневного и, казалось бы, мало связанного с духовными сущностями, который на самом деле является более действенной духовной практикой, чем и самое молитва. *Послушание* здесь – не выполнение требования слушаться, а выполнение обязанностей христианина, которые внутренне согласованы с волей Божьей, т.е. синоним богоугодного действия.

Или: «не могу больше есть, а то будет *от лукавого*» [3, Т. II: с. 400] – т.е. чрезмерно, слишком, не от Бога.

Или: «люблю я Юлию, вот бы ее *миром помазать*, то совершенно нашею бы стала» [3, Т. I: с. 141–142]. Здесь это означает – присоединить англиканку (христианку, принадлежащую к англиканской церкви) к православию таинством миропомазания.

Еще один пример: «скатерть стелили *покоем*» [3, Т. II: с. 473]. Здесь «покой» обозначает не «тишину, спокойствие», а наименование буквы «П» в церковнославянском алфавите: «Азь, Буки,.. Покой...».

Особый случай – неологизм *бумагоисступление*. С одной стороны, слово образовано архаически, как многие пришедшие из греческого в ранний период становления славянской письменности церковные слова, – путем калькирования основ. Это именно та черта (как, например, в слове *богословие*), которая отличает греческие заимствования от исконных славянских слов – ибо сложение двух корней как словообразовательный способ не существовал в славянских языках. С другой стороны, создание подобного слова – остроактуальная реакция на события «сегодняшнего» дня, которая использует эмоционально выразительную имитацию архаики для яркого создания нового понятия. В своем роде, словообразовательный оксюморон.

«Ясно одно – это нелепейшее *бумагоисступление* придумано исключительно для того, чтобы настолько утомить ноги и душу обывателя, что он уже становится после этого абсолютно неспособным на проявление какой бы то ни было энергии в другом направлении» [2, Т. II: с. 324].

Сокращения, так бурно развивавшиеся в начале XX в. и внешне напоминающие современные, тоже могут ввести в заблуждения. Так, невозможно понять фразы: «нельзя передать переживаний несчастного *парткома*» [3, Т. I: с. 469], если не

учитывать, что сокращение «партком» в 1919 г. имеет значение не партийный комитет, а партизанский командир.

Мы видим характерные для времени и другие сокращения: *политком* – политический комиссар, *преддомкома* – председатель домового комитета и пр.

Мемы

И, наконец, то, что мы сегодня называем «мемы» – связанные выражения, передающие культурную информацию, понятную широкому социуму и популярные в употреблении:

растворенные остроги: «Деревня наполнилась подозрительным элементом из растворенных острогов» [3, Т. I: с. 297]. Мем эпохи октябрьского переворота – из тюрем массово выпущены уголовники как социально близкий элемент;

грядущий хам: «Мать Мария рассказывала про обитель, *грядущего хама*, уже и туда протягивающего свои отвратительные лапы» [3, Т. I: с. 299]. В свое время эта метафора в комментарии не нуждалась. Сейчас – необходимо пояснение. «Грядущий хам» – сборник, составленный Д. С. Мережковским в 1906 г. и изданный в Петербурге, где в его одноименной статье было предсказано скорое появление сил, уничтожающих русскую и мировую культуру, – «хама», питаемого мещанством, пошлостью, хулиганством, атеизмом и пр. [4].

Нам думается, приведенный материал показывает, сколь подвижны значения лексического состава языка. Таким образом, научные издания, готовые к публикации ранее неизвестные рукописи, должны принять как необходимую для будущих исторических исследований базу – предварительные филологические исследования, а затем и комментарии к публикуемому тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабиниотис, Г.Д.* Словарь новогреческого языка с комментариями для правильного словоупотребления / Г.Д. Бабиниотис. – Афины : Центр Лексикологии, 1998. – 2064 с. (Μπαμπινιώτη Γεωργίου Δ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων. – Αθήνα: ΚΕΝΤΡΟ ΛΕΞΙΚΟΛΟΓΙΑΣ, 1998.)
2. *Запольская, Н.Н.* Церковнославянская книжность: христианизация текста и языка / Н.Н. Запольская // Славянский альманах 2011. – Москва : Индрик, 2012. – С. 32–40.
3. *Лобанова-Ростовская, В.Д.* О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: воспоминания матери (1903–1919). В 2 т. / В.Д. Лобанова-Ростовская. – Изд. испр. и доп. – Москва : Минувшее, 2020. – 1288 с.
4. *Мережковский, Д.С.* Грядущий Хам : сборник / Д.С. Мережковский. – Москва : Изд-во Т8, 2018. – 130 с.
5. Современные англо-русские словари. – URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/62046-tube> (дата обращения: 05.12.2020).
6. Русско-украинский словарь: 80 000 слов. – Киев : Изд-во АН УССР, 1962. – 803 с.